

ДОБРЫЙ КУЗЯ

Андрей Платонов

1

До войны, бывало, слабоумный дурачок Кузя ходил по своей деревне Абабково и собирал милостыню хлебом. Он ходил редко, когда уже совсем отощает, был кроток душой и боялся людей. Жил Кузя в избе один, ни родных, ни семейства у него не было, и он лежал обыкновенно на печи в дремоте, терпя свою жизненную участь, пока не ослабевал от голода. Тогда он подымался, брал котомку и шел осторожно по деревне, боясь помешать чем либо людям. Но люди, увидев бредущего молчаливого Кузю, сами звали его к себе.

— Кузя, иди, хлебца подадим.

Кузя медленно поворачивал к хозяйской избе и бережно брал ломоть хлеба, укладывал его затем осторожно в котомку, чтобы он цел был и не крошился в дороге. Собрав немного, Кузя уже оборачивался идти к себе в избу.

— Кузя, аль ко двору пошел? — спрашивала его хозяйка с крыльца. — Иди хлебушка возьми.

— А мне теперь не надобно, — говорил Кузя в ответ. — У меня его, видишь, полная сума, — когда я его еще поем? Я к тебе потом приду, когда всю милостыню на свою душу потрачу...

— Ишь, вот, какой он у нас! — обижалась и гордилась хозяйка. — Один такой на всю деревню: и даешь, так он не возьмет — не надо, говорит, потом приду. Знать, душа в нем другая, не то, что во всех живет...

Кузя, собрав милостыню, поскорее шел домой, норовя уйти проулками и задами деревни, минуя лицевую улицу. Он сторонился людей, потому что боялся им сделать нечаянное зло каким либо своим словом или навести их на мысль о печали жизни своим бедным видом; и у него у самого болело сердце от людей, если он долго бывал с ними, словно кровью исходило его неутоленное чувство к ним, и он не знал, как утолить и утешить его. Возвратясь в избу, он забирался на печь, и зимой, и летом, и там плакал, пока не утомлялся и не засыпал. Потом он долгие дни жил в одиночестве, сберегая хлеб, чтобы реже ходить побираться.

Во время войны люди подавать милостыню стали мало. Тогда Кузя начал ходить по ближнему лесу и собирал себе на пропитание грибы. Работать он ничего не мог, потому что на работе надо слушаться людей, а он их боялся и не понимал, и его впечатлительная душа постоянно отвлекалась от всего полезного для его жизни посторонним и ненужным.

Вскоре война подошла близко к деревне Абабково, в которой проживал Кузя. В избе у Кузи поселились на постой красноармейцы, четыре человека. Они ели на глазах у Кузи помногу казенной еды — хлеб, говядину, выжирки, чухонское масло, разжевывали хрящи и жилы и запивали всю пищу чаем с сахаром, а потом пили отдельно кипяток и

заедали его пропеченным хлебом из чистой просеянной муки. Красноармейцы угощали и Кузю, и он тоже ел немного из страха перед ними, потому что они серчали на него, если он стеснялся кушать их еду. Потом в избе у Кузи стали жить еще пятеро красноармейцев, а трое поместились в крытом дворе; кроме них, по всему Абабкову тоже жило на постое войско, и по всем другим деревням и окрестным лесам шли, останавливались на ночлег и вновь направлялись в поход великие войска.

— Сколько ж такое коров нужно вырастить, проса порушить, постного масла набить, сахару сготовить, чтоб такое войско пропитать? — спрашивал Кузя у красноармейцев. — Много, должно быть?.. Аль земля да теплые дожди управляют всякое добро уродить? Должно, что управляются, а то бы тогда и войны не было — чем кормить войско?.. Я_то ничего не видел, и мне знать не дано, но я так думаю от мысли и боюсь, что вдруг да чего не хватит на войско — чем нам тогда обороняться?..

— На армию, брат, много надобно всякого добра, — отвечали Кузе красноармейцы. — Да ведь земля у нас просторная, солнце на небе теплое, дожди падают в достатке, вот оно и рождается доброе в избытке... Чего тут пугаться, — нам всего хватит... Ты ешь побольше и надейся, что добро в бойце не пропадет, оно ему нужно для пользы победы...

Кузя, послушав красноармейцев, оробел и расстроился еще более. По ошибке и глупости своей жизни, Кузя иногда близко понимал истину, и он подумал сейчас: «Это правда, что сказал человек: в бойце добро земли и тепло всего неба делается силой в пользу войны со злом, а во мне добро погорает зря, потому что я слабоумный и печальный, и мне надо помереть».

— А я так вот ни к чему живу, — сказал вслух Кузя бойцам. — На работе я маломочный, хозяйства не веду, а харчи трачу...

— Это к чему ж ты так? — спросил его один боец. — Теперь надо каждому стараться народную пользу творить и против неприятеля упираться, а то нам всем лабед будет...

— А во мне разума нету: я отпущен жить на пенсию, — объяснил Кузя свое положение.

— Ну тогда чего ж ты горюешь? — удовлетворился боец. — Без разума какой ты человек, — ты сирота народа, ты не считаешься, с тебя ответа нету.

— Ума у меня тоже нету, зато я душой правило жизни чувствую.

Бойцы промолчали, стесняясь утешать одними словами горе этого обездоленного разумом человека. Высказался лишь один красноармеец, бывший годами старше всех:

— Без ума то, оно жить, может, трудней, зато помирать легче.

— Легче, — охотно согласился Кузя, — и я скоро помру.

Почтальон в прежнее время каждый месяц приносил Кузе перевод на деньги — пенсию, но Кузя их ни разу не брал, считая, что это неправильно — получать жалование от государства за свою горюющую, бесполезную душу. Потом почтальон стал приходить редко, раз в три месяца или в полгода, и только спрашивал:

— Одумался или еще больше подурел? Возьмешь деньги на инвалидность второй группы? Нет? Значит, принципиальность мешает, а беспринципности в тебе нету? Не надо. Государство на тебя не обидится: ему убытка нету, ему побольше бы таких пенсионеров, — и почтальон уходил.

Теперь Кузя насчитал, что у него накопилось пенсии в райсобесе города Кувшинова на десять тысяч рублей с лишним, да изба его с крытым двором чего_нибудь да стоила, и грибов сушеных было полпуда, и одежда с него останется, хоть она и ношенная. Если все его добро сложить, то получится, что один красноармеец целый год может кормиться и воевать на одни его средства. А если красноармейцу не хватит пропитания, чтобы одолеть врага, то он ослабеет и умрет, а негодный к жизни Кузя будет цел. И тогда вся Россия станет похожа на Кузю: она изнеможет, загорюет и пойдет побираться неизвестно куда, и будет жить только при смерти.

— Уж лучше я помру, — решил Кузя. — На одного едока будет меньше, а копейка моя от пенсии, от избы и от грибов пойдет в дело победы, и я ее не потрачу. Мертвые полезны, они никому не в убыток.

Кузя лег на печь и стал помирать. Ему это было нетрудно, потому что в нем была решимость неподвижного глупого ума и терпение святого сердца. Он лежал, не принимая пищи и питья, и медленно, тихо ослабевал.

Бойцов на постое в его избе в ту пору не случилось, а когда красноармейцы пришли на постой и увидели ослабевшего, умолкшего хозяина, то они заявили о том уполномоченному сельсовета.

Уполномоченный сельсовета Иван Петрович Шумаков был человек старый, и с самого начала войны он томился одной мыслью — тайной победы. Он хотел выдумать сам себе, как нужно победить врага. Он верил, что тайна победы есть, и она простая, только она до времени находится где то в стороне от его головы, точно в воздухе; следует только охватить, приневолить ее своим умом, и тогда будет ясно, чем нужно насмерть и навеки одолеть врага. Шумаков скоро явился к Кузе и спросил его, чем он тревожится.

— Я помирать собрался, — сказал Кузя. — Ты отпиши теперь избу мою и крытый двор при ней, сухие грибы во дворе, одежду на мне — на войско. И пенсию в Кувшинове городе тоже отпиши на войско, я годов восемь ее не получал, там деньги большие...

— Доход большой, — задумался Шумаков. — Я тебе и то еще добавлю и отпишу в

доход, что ты жизнь свою не дожил и пропитания напрасно на себя не извел... Слабоумные то они лет до ста живут, а ты вот дурачок у нас сознательный: ты зря жить и жевать не хочешь...Спасибо тебе.

— Отпиши в доход и мою жизнь, что непрожитой осталась за мной, — согласился Кузя.

— Обожди, — предупредил Кузю Иван Петрович. — Обожди еще кончатся, подыши два дня. Кладбище_то у нас где? — до него шесть километров, а лошади все в поле заняты, у нас там главная забота, — на чем я тебя на кладбище повезу?

— Я обожду кончатся, — произнес Кузя.

— Обожди, обожди, — попросил Шумаков. — Мы тебе потом за все сразу благодарность вынесем в постановлении...

Хотел еще Иван Петрович спросить у Кузи: как нам дальше быть с немцем_врагом, чтобы победить его поскорее и подешевле, — но передумал: чего Кузя знает, какое у него развитие? Родился он на свет ошибочно, прожил горестно и умирает сдуру...

Через три дня Шумаков зашел в Кузину избу; там было сейчас пусто и постояльцы не ночевали.

— Кузя, ты готов? — спросил Иван Петрович с порога избы.

Но Кузя ничего не ответил ему, потому что он только что скончался и теперь остывал от тепла жизни.

Шумаков ушел из избы, а потом возвратился и привел с собою двух женщин — свою жену и соседку, чтобы они обрядили покойника на вечный путь; сам же сел составлять опись добра и имущества для передачи их целиком государству.

Прибирая покойного, соседка говорила о Кузе, что хорошо — что он помер: кому он нужен был на свете, зачем он жил и зачем томился, только себя мучил и людям надоедал...

— А кто ж его знает — зачем он жил, — тихо сказала жена Ивана Петровича. — Мы то не знаем, кто нужен на свете, а кто нет... Может, кто не нужен_то, он нужнее и дороже всех окажется... Откуда нам знать.

Иван Петрович задумчиво и удивленно поглядел на свою жену, сшивавшую рядно на покойника.

— Моя то баба правду говорит, — сурово сказал Шумаков. — А ты чего тут непутевое задумываешь? — обратился он к соседке. — Кому Кузя на свете мешал? Он о целом нашем государстве думал. Он, может, не дурачок, а умнейший человек был, только оказать себя перед людьми стыдился, потому что у него сердце такое болящее было. А ты чего бормочешь тут, ишь бока то наела в военное время...

Когда покойника приготовили, Иван Петрович велел женщинам запрячь лошадь и отвезти человека на кладбище, а сам пошел ко двору.

Дома он обошел хозяйство и сосчитал свое добро. Муки и зерна у него оказалось пудов возле сорока, ячменя тоже немалая толика, картошек пудов полтыщи, а там еще были в подполье овощи, травы, грибы соленые и сушеные и прочее добро.

— Сын у тебя на войне, вести от него давно нету, — сказал себе Иван Петрович, — народ души своей на войну не жалеет, Кузя вон помер для экономии жизни, а ты харчами весь обложился и заместо умерших второй век хочешь жить... Сукин ты сын.

Шумаков развалил в ожесточении поленницу дров, чтобы порушить привычный домашний порядок, связавший его сердце.

Жена вернулась после полудня на пустой подводе. Иван Петрович велел жене не распрягать лошади и не уводить ее на конюшню, а накладывать тотчас же на подводу зерно и муку в мешках и увозить все прочь со двора.

Жена послушала мужа и сказала ему:

— Аль и ты Кузькой стал?.. Шел бы и ты на тот свет, а я бы тебя подвезла туда...

— Я бы и тебя, дурную, в кооперацию отвез, — ответил Иван Петрович, — да там не принимают таких — не товар, говорят...

Он сам погрузил свой хлеб на воз и поехал с ним в районную кооперацию, а жену оставил дома, чтоб она подумала одна и постепенно привыкла к его новому мероприятию.

В Кувшинове городе он сдал хлеб на базу кооперации и получил в руки приказ в

бухгалтерию о выплате ему суммы денег. Иван Петрович пошел в бухгалтерию и там разорвал свою денежную бумажку, а все средства велел отдать Советской России и прочему человечеству, чтобы они легче терпели свои нужды, а после победы не пошли побираться.